КУНДАЛИНИ И КРЕТИНИЗМ

МИХАИЛ ГИНЗБУРГ

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Михаил Гинзбург

Кундалини и Кретинизм

«Автор»
2025

Гинзбург М.

Кундалини и Кретинизм / М. Гинзбург — «Автор», 2025

Григорий Громов — прожжённый циник и ловелас, ищущий укрытие от дождя, оказывается в загадочном монастыре, где монахини не знают стыда, зато отлично владеют философией кундалини, кулинарией и искусством соблазна. Здесь вместо молитв — трактаты о "маскулинных вибрациях", вместо наказаний — булочки с эзотерическим соусом, а каждое прикосновение превращается в духовное откровение. Но чем дальше Гром погружается в этот мир изящного соблазна, тем явственнее ощущает: его здесь не просто ждут — его здесь разбирают по косточкам. Путь к просветлению оказался не медитативным, а до неприличия плотским. Кто кого соблазнит — вечный вопрос, особенно если речь идёт о духовных сущностях и блинчиках с кармической начинкой.

© Гинзбург М., 2025
© Автор, 2025

Михаил Гинзбург
Кундалини и Кретинизм

Глава 1: Прибытие Вируса

Ливень хлестал по щербатой брусчатке, словно сам Небожитель отбивал чечетку на бренной земле. Горы вокруг, еще минуту назад казавшиеся вечными исполинами, теперь тонули в молочной мгле, лишь изредка позволяя разглядеть свои острые, черные клыки сквозь пелену водяной пыли. Впрочем, Григорию Громову было глубоко наплевать на пасторальные пейзажи. Его мир сузился до пульсирующей боли в затылке, привкусом дешевой сигары во рту и непреодолимым желанием найти хоть какой-то приют. И неважно, что привело его сюда – не то смутные воспоминания о неудачной попытке покорить очередную "неприступную вершину" (женщину, разумеется), не то просто извечная тяга к приключениям, которая с возрастом трансформировалась в потребность постоянно попадать в одну неловкую ситуацию за другой.

Он шел уже который час, или век – время давно потеряло смысл. Ноги в тяжелых, промокших насквозь ботинках мерно хлюпали по грязи. В кармане бренчал пустой портсигар, а в бутылке, которую он прижимал к груди, не больше пары глотков виски. И вот, когда его внутренний компас окончательно сбился, а легкие начали протестовать против разреженного горного воздуха, из тумана выплыл он. Монастырь.

Необычное строение. Не те привычные по книгам и фильмам храмы с золотыми куполами. Этот был сложен из потемневшего камня, местами поросшего мхом, и скорее напоминал заброшенную крепость, чем обитель духа. Над ним не вились молитвенные флажки, лишь редкие выветрившиеся обрывки ткани, которые, казалось, висели тут со времен сотворения мира. Деревянные ворота, массивные и неповоротливые, были приоткрыты, словно приглашая войти. Или, скорее, втягивая.

Гром постоял минуту, хмыкнул. "Ну что ж, бляха муха, хоть крыша над башкой будет". Он толкнул ворота. Дерево скрипнуло так протяжно, словно стонала сама вечность. Внутри было тихо. Слишком тихо. Только шум дождя и его собственное хриплое дыхание. Он сделал несколько шагов по вымощенному двору, который казался залитым призрачным лунным светом, пробивающимся сквозь рваные облака.

И тут они появились. Из разных дверей, из-за углов зданий, из-под нависающих балконов. Монахини. Не те суровые, аскетичные фигуры, что он представлял. Эти были… изящны. Движения их были плавными, почти бесшумными, словно они не шли, а скользили по воздуху. Они носили простые, но хорошо сшитые одежды из грубого полотна, однако ткань ниспадала по их фигурам с такой грацией, что казалось, будто перед ним ожившие статуи. Лица их, поначалу скрытые в полумраке, по мере приближения прояснялись. Молодые и не очень, но все с удивительно спокойными, почти неземными лицами. И глаза. Вот что было самое странное. В них не было ни испуга, ни осуждения. Лишь безмятежное любопытство. И что-то еще, очень смутное, едва уловимое, что-то, что заставило Грома невольно облизнуться.

– Приветствую вас, путник, – произнес тонкий, но четкий голос. – Кажется, путь ваш был тернист, а ливень – настойчив. Позвольте предложить вам укрытие от непогоды и чашу горячего чая, дабы вы могли восстановить гармонию своих телесных оболочек.

Гром моргнул. Это говорила молодая монахиня, та самая Сестра Кали. Она стояла чуть впереди остальных, и в ее глазах, больших и выразительных, было нечто такое, что заставило его внутренний радар ловеласа дернуться.

– Чаю? – хрипло переспросил Гром, выплюнув ком грязи, прилипшей к зубам. – Да на хер мне ваш чай, если тут такие… эээ… такие просветленные фигуры стоят? Я, барышни, если что, Григорий. А вы тут, я так понимаю, коллектив собрался?

Монахини не вздрогнули. Ни один мускул не дрогнул на их лицах. Сестра Кали слегка наклонила голову.

– Вы желаете познакомиться с нами, господин Григорий? Это весьма похвально. Каждый человек на своем пути стремится к познанию. Мое имя – Сестра Кали. Я хранительница наших священных свитков. А это, – она элегантно указала на остальных, – мои сестры. И мы все, без исключения, стремимся к дхарме.

– К чему, бляха? – Гром поморщился. – К какой еще дхарме? Я тут не за дхармой пришел. Я тут… – он запнулся, ища подходящее выражение. – Я тут, стало быть, ищу, где мой инструмент приложить. Понятно?

Повисла короткая пауза. Затем, Настоятельница, Мать Дзэн, выступила вперед. Она была старше, но ее грация была еще более совершенной. Ее глаза, омуты мудрости, казалось, видели Грома насквозь, до самой его изъеденной грехами души.

– Вы изъясняетесь метафорами, господин Громов, – мягко, но с несгибаемой уверенностью произнесла она. – Ваш "инструмент", как вы изволили выразиться, по-видимому, символизирует ваше стремление к проявлению воли. Мы здесь практикуем иную форму выражения. Но, возможно, и ваше проявление воли имеет свою мудрость. Мы не привыкли к столь… прямолинейному выражению, но мы открыты к познанию всех аспектов бытия.

Гром почувствовал, как его челюсть слегка отвисла. Он привык, что после подобных фраз женщины либо заливаются краской и убегают, либо начинают кричать. Эти же… эти сидели с ним в словесной шахматной партии, да еще и сами пытались сделать из его пошлости какую-то возвышенную мудрость.

– Да ладно, мать, – Гром усмехнулся, пытаясь вернуть себе привычное преимущество. – Не нужно тут мне про все аспекты. Я мужчина простой. Вижу цель – иду к ней. А цель, между прочим, тут у вас ого-го.

Он окинул взглядом монахинь, чуть дольше задержавшись на стройных фигурах Сестры Кали и Сестры Лотос, которая стояла чуть позади, и от которой, кажется, пахло свежей землей.

Мать Дзэн лишь слегка улыбнулась уголками губ.

– Ваше появление – это, возможно, испытание, посланное свыше, господин Громов. – Ее голос стал чуть глубже, словно эхо древних гор. – Примите его с открытым умом. И с открытым сердцем. Возможно, вы найдете здесь то, что искали, но не понимали. Или то, от чего так отчаянно бежали.

Гром скрипнул зубами. Эта женщина говорила так, словно знала о нем больше, чем он сам.

– Испытание, говоришь? – Он хмыкнул, доставая из кармана пустой портсигар и с досадой швыряя его в лужу. – Ну, если ваше испытание – это вот эти, – он кивнул на монахинь, – то я готов. Всегда готов к испытаниям. Особенно к таким.

Монахини, казалось, обменялись едва заметными, почти телепатическими взглядами. В них не было осуждения. Было… нечто. Что-то, что заставило Грома почувствовать себя не только охотником, но и, к его смутной тревоге, объектом чьего-то очень, очень изящного, но не менее хищного внимания.

Мать Дзэн повела рукой, приглашая.

– Пройдите, господин Громов. Ночь уже опустилась на горы, и ваш путь должен обрести покой. Мы предоставим вам скромное убежище. А завтра… завтра мы увидим, куда приведет нас всех эта новая вибрация.

Гром прошел мимо них, чувствуя на себе их безмолвные, но пронзительные взгляды. Дождь, казалось, ослаб. Запах свежей земли, смешанный с ароматом каких-то необычных благовоний, витал в воздухе. Он вошел в полутемный коридор, освещенный лишь редкими масляными лампами. За его спиной, в дверном проеме, Сестра Кали, Сестра Лотос и Сестра Пышка

смотрели ему вслед. И в их глазах теперь уже отчетливо, хоть и изящно, горел огонек пробуждающегося желания. Он был уверен, что это была не игра воображения.

"Бляха, – подумал Гром, устраиваясь на жесткой соломенной подстилке в своей крошечной келье, – кажется, я попал. Но куда? В рай или в ад?"

Он еще не знал, что ответ на этот вопрос будет зависеть от того, кто кого соблазнит.

Глава 2: Первые Искушения (Библиотекарша)

Утро в монастыре пришло не с привычным для Грома похмельем, а с запахом какой-то невыносимо чистой травы и звуками тихого, почти шелестящего пения. Дождь стих, и сквозь щели в ставнях пробивались тонкие, бледные лучи солнца, не способные разогнать полумрак кельи. Гром потянулся, кряхтя, ощупывая ноющую поясницу. Жесткий лежак не способствовал расслаблению.

"Ну что ж, бляха муха, – подумал он, поднимаясь. – Начну-ка я с малого. С самого безобидного. А там посмотрим, как эти просветленные девчонки запоют".

Он вышел в коридор, где царила та же звенящая тишина. В отличие от его вчерашнего прибытия, теперь по двору сновали монахини, каждая занятая своим делом. Одна поливала цветы, другая с сосредоточенным видом мела двор, третья, кажется, просто медитировала, сидя прямо на камнях. И все они, по мере того как Гром проходил мимо, обменивались с ним взглядами. Не осуждающими. Не испуганными. А какими-то… оценивающими. Это раздражало.

Его взгляд выхватил Сестру Кали. Она сидела на ступеньках старого здания, явно предназначенного для библиотеки, держа в руках толстенный фолиант. Ее тонкие пальцы порхали по страницам, а очки в тонкой оправе сидели на ее бледном носу, придавая ей вид утонченной школьницы.

"Вот она, – решил Гром. – Самая легкая добыча. Запуганная, книжная моль. С нее и начнем наш крестовый поход".

Он подошел к ней, прислонившись к дверному косяку, и окинул ее взглядом, который обычно заставлял секретарш опускать глаза, а официанток краснеть.

– Привет, книжная барышня, – хрипло произнес он, сверля ее взглядом. – Что читаешь, душа моя? Про любовь, поди? Про настоящую, большую любовь, с отрывом башки и прочими прелестями?

Сестра Кали подняла голову. Ее большие, выразительные глаза не выражали ни смущения, ни возмущения. Только то самое безмятежное любопытство.

– Приветствую вас, господин Громов, – ровным, мелодичным голосом ответила она, закрывая книгу. – Я читаю трактат о взаимосвязи феноменов сознания и материального мира. А что касается любви, о которой вы изволили упомянуть, то в рамках буддийской философии она является одним из проявлений привязанности, что, в свою очередь, может привести к страданию. Однако, – она сделала едва заметную паузу, – иногда и в страдании можно найти просветление. Вы с этим согласны?

Гром подавился воздухом. Он ожидал покрасневших щек, заиканий, попыток убежать. Но не лекции по философии привязанности.

– Слушай, Кали, – он махнул рукой. – Забудь про страдания. Какие на хер страдания, когда мужик видит такую женщину? Вот ты, например. Стройная, глаза вот эти… бездонные. И ты тут, в заперти, книжки эти умные читаешь. А жизнь-то мимо идет. Неужто тебе не хочется… – он сделал многозначительную паузу, – не хочется чего-то такого… земного? С придыханием? С мурашками по коже?

Сестра Кали наклонила голову, словно анализируя его слова.

– Вы говорите о чувственном опыте, господин Громов? – Ее голос оставался спокойным, но в нем появилось нечто новое, какая-то едва уловимая вибрация, похожая на струну, которую

только что тронули. – Да, наш путь предполагает отказ от подобных привязанностей. Однако, как сказано в сутрах, полное осознание бытия возможно лишь через принятие всех его проявлений. В том числе и тех, что вы, возможно, имеете в виду. Вы предлагаете мне новый аспект познания?

Гром почувствовал, как по его коже пробежали мурашки. Но не от возбуждения. От легкого недоумения. Она не краснела. Она не возмущалась. Она анализировала. И в ее глазах, кажется, мелькнул какой-то расчет.

– Новый аспект, да, – Гром сглотнул. – Новый, самый что ни на есть. Вот, например, давай я тебе покажу, что такое настоящий аспект. Я тебе сейчас расскажу про то, как мир устроен. Не по книжкам, а по правде. Как мужики живут. Как они женщин… как они к ним, значит… тянутся. И ты сразу поймешь, что все эти ваши сутры – это фуфло, когда речь идет о настоящей жизни.

Сестра Кали встала. Медленно, грациозно. Ее тонкое тело, казалось, источало какое-то слабое, едва уловимое свечение.

– Вы желаете продемонстрировать мне иную дхарму, господин Громов? – Она сделала шаг к нему. Только один. Но этот шаг был полон такой изящной, почти неземной решимости, что Гром невольно отступил на полшага. – Возможно, это путь к новому просветлению. Путь, который начинается не с отказа, а с полного, осознанного погружения. В том числе и в то, что вы называете "настоящей жизнью".

Она протянула к нему руку. Не с целью прикоснуться, а скорее как жест приглашения.

– Я готова к этому аспекту познания, господин Громов. – Ее голос стал чуть тише, но при этом наполнился странной, почти гипнотической силой. – Покажите мне этот мир, о котором вы говорите. Расскажите о ваших тяготениях. Я внимательно вас выслушаю. И, возможно, мы вместе найдем новые грани осознания. Прямо здесь, в тишине библиотеки. Где каждый шепот может стать великим откровением.

Гром посмотрел на ее протянутую руку. Она была тонкой, бледной, но от нее исходила какая-то невыносимая притягательность. Он привык брать женщин за руки, чтобы тащить их за собой. А она… она просто протянула свою, предлагая ему самому сделать выбор. И в этом была такая непривычная, изящная сила, что его привычный мачизм дал сбой. Он вдруг почувствовал себя не хищником, а завороженной добычей.

"Вот это, бляха муха, поворот", – пронеслось в голове Грома, когда он, к собственному удивлению, сделал шаг вперед, а не назад. Он сам не понимал, что происходит, но некая неведомая сила, исходящая от этой хрупкой монахини, буквально втягивала его вглубь монастыря. И вглубь чего-то гораздо более опасного, чем он мог себе представить.

Глава 3: Чувственное Пробуждение (Садовница и Повариха)

Тишина в монастыре была обманчива. За ней скрывалось нечто, что Гром еще не мог до конца осознать, но что уже начинало медленно, но верно сводить его с ума. После "философской беседы" с Сестрой Кали в библиотеке, где та с изящным апломбом анализировала его "тяготения" и предлагала "новые грани осознания" в самых что ни на есть плотских выражениях, Гром почувствовал себя вывернутым наизнанку. Его привычный мир, где все было просто и понятно, трещал по швам.

"Что за на хер творится? – бормотал он себе под нос, расхаживая по своей келье. – Эти бабы… Они что, издеваются? Или у них там какой-то особый тибетский юмор?"

Он решил переключиться. Сменить объект воздействия, так сказать. Может, другие монахини будут более… предсказуемы. Или менее безумны в своей изящности. Его взгляд упал на окно, за которым виднелись аккуратные грядки и фигура, склонившаяся над ними. Сестра Лотос, садовница. От нее всегда пахло землей и чем-то очень свежим, зеленым. Вроде как и не совсем его типаж, но, в конце концов, Гром не был привередливым.

Он вышел во двор. Воздух был влажным, но теплым после дождя. Солнце уже поднялось выше, и горы наконец-то сбросили свои туманные одежды, обнажая величественные, покрытые лесом склоны. Сестра Лотос, приземистая, с сильными руками, возилась с чем-то в земле, ее лицо было сосредоточено.

– Здорово, труженица, – окликнул ее Гром, подходя ближе. – Что, цветочки растим? А зачем они тут, если их никто не нюхает? Вот если бы тут мужики были, они бы оценили, какой аромат из тебя… из этих, из цветов идет.

Сестра Лотос выпрямилась. В ее простых, но проницательных глазах не было ни тени смущения. Она вытерла ладони о подол своей простой робы и окинула Грома взглядом, словно оценивала недавно посаженное дерево.

– Приветствую вас, господин Громов, – ее голос был низким, чуть хрипловатым, словно шелест листвы. – Вы говорите о наслаждении ароматом? Истинно, это одно из проявлений Майи, мира иллюзий. Но даже в иллюзиях есть своя красота и свой смысл. Цветы растут не для того, чтобы их нюхали мужчины, а для того, чтобы они цвели, исполняя свое предназначение. Как и женщина.

Гром моргнул. Он ожидал банального "мы тут для Бога" или "не твое дело". А получил лекцию о предназначении цветка и женщины.

– Предназначение, говоришь? – Он усмехнулся. – Да какое у бабы может быть предназначение, кроме как мужика радовать? Ну, и детей родить, само собой. А ваши эти, как их, предназначения – это все от лукавого. Или от голодухи.

Сестра Лотос склонила голову набок. На ее губах появилась легкая, загадочная улыбка.

– Вы мыслите очень приземленно, господин Громов. Но даже в земле скрыты великие тайны. – Она медленно подошла к нему, показывая на маленький росток, пробивающийся сквозь почву. – Вот, посмотрите. Этот росток стремится к солнцу, к свету. Он не знает, кто будет его нюхать. Он просто растет, раскрывая свою суть. А разве не то же самое делает и человек, когда его внутренний росток начинает тянуться к иным проявлениям? К тем, что вы, возможно, называете "радостью"?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.